

Иероним Ясинский

Враг рода человеческого

Иероним Иеронимович Ясинский

Враг рода человеческого

Аннотация

«— Одного не могу я взять в толк, барин, — отчего это люди накладывают на себя руки... Я так полагаю, что враг путает, а от себя ни в каком случае это не приходит... Вот я, например: сколько времени я бедовал, и ужаси, как мне скверно и горько приходилось, ну, однако же, о том, чтобы застрелиться, либо утопиться, либо зарезаться, или там удавиться — никогда, верите Богу, мысли не было. Правда, что я, хоть по моему извозничьему ремеслу в церковь не хожу, но ежедневно благодарю Творца Вышнего за всё, что он ни пошлёт мне. Куплю я лошадку дёшево — благодарение Господу. Околеет у меня лошадка — и за то благодарение Господу. За всё, за всё!...»

Иероним Ясинский

Враг рода человеческого

– Одного не могу я взять в толк, барин, – отчего это люди накладывают на себя руки... Я так полагаю, что враг путает, а от себя ни в каком случае это не приходит... Вот я, например: сколько времени я бедовал, и ужаси, как мне скверно и горько приходилось, ну, однако же, о том, чтобы застрелиться, либо утопиться, либо зарезаться, или там удавиться – никогда, верите Богу, мысли не было. Правда, что я, хоть по моему извозничьему ремеслу в церковь не хожу, но ежедневно благодарю Творца Вышнего за всё, что он ни пошлёт мне. Куплю я лошадку дёшево – благодарение Господу. Околеет у меня лошадка – и за то благодарение Господу. За всё, за всё! И так как есть во мне вера, то *он* никогда и не смущает меня. А вот жена покойная – та, бедняжка, не выдержала. Попутал враг! Сам явился и попутал! Произошло это таким способом. Женился я – было мне уж сорок, а ей, натурально, двадцать или так двадцать один. Ну, как я ухаживал, то замечал, что нет за ней никакого приданого, родители у неё бедные, и сама она ходит зимою в холодненькой накидочке; ручки до локтей засунет и бежит к соседям поленце дров занять или хлебца. Звали её Параскевией. Мне, знаете, жаль было смотреть на такую бедноту. Жил я тогда припеваючи, оттого, что свой извозничий двор был и троих извозчиков

держал, да шесть лошадей, да фаэтон. Куфарку держал за-
место хозяйки. Можно сказать, словно как подрядчик какой,
либо купец, завсегда сыт и много всем доволен, первый хо-
зяин в Шулявке! Борщ у меня с салом, каша тоже с салом,
праздником и курочка, и поросёночек. А водки сколько хо-
чешь! Вот посматриваю я на Параскевию – а она рядом же
со мной у родителей проживала – и всё лыщусь на неё. Ве-
рите, дошло до того, что на старости лет сохнуть по девке
стал. Между тем куфарка постарела, негодная сделалась, я и
думаю: не жениться ли мне, бобылю, на Параскевии. Может,
мне Бог за это поможет, что осчастливорю я её, горькую бед-
няжечку. Перестанет она бегать по соседям за солью, да за
ложкой муки, станет сама госпожой, а хозяйствовать, слава
Богу, есть над чем. К тому же, ничего дурного я за ней не
примечал, поведение у неё вполне добропорядочное. Начал
я присватываться; отказу, конечно, старики не сделали. Па-
раскевия промолчала, в землю потупилась; тоже, значит, со-
гласие дала. Я подарки сделал, на платье, на одно, а также
на другое, ещё и шубку сделал, и одним словом всё как есть
приданое построил, кроме рубашек, которые мать ей сама
пошила. Я уж, правду сказать, из сил выбился и попросил,
чтоб на бельё хоть заняли, да сделали бы. Отлично. Вот толь-
ко повенчались мы, сыграли свадьбу, пошли спать. Кровать
у нас с пуховиками, и одеяло новое, шерстяное, и образа, и
лампадка; и на толкучке зеркало в золотых рамах я приобрёл
довольно сходно, то и его повесил. Говорю жене: «Милая, –

говоря, — жена, начинается теперь новая жизнь для нас; и вот скажу тебе от всей души, что доколе жить буду, останусь к тебе привержен, лишь бы то есть ты ценила моё благодеяние да помнила, что взял я тебя бедную и, можно сказать, совершенно голую. Не забывай никогда этого, бедняжка, что я сожалел тебя, и хочу, как я есть муж твой законный и глава, дабы ты всегда была мне верна и услужлива, и Боже тебя храни, если ты станешь мне в чём перечить. Объявляю тебе также, моя любезная супруга, что если замечу тебя в чём-либо недобропорядочном, то не посмотрю ни на твои лета цветущие, ни на очи твои кроткие, а привяжу к возу и буду тиранить тебя, сколько моей душе угодно». Сказал это я так и жду, что она ответит. А она стоит белей своей рубахи и дрожит как молодая осина. Ни слова не проговорила, закрыла лицо руками, да бух мне в ноги. «Лександр Петрович, — воскликнула, — простите меня, я уже виновата. Но только не перед вами, а было то давно и произошло по моему малолетнему любопытству». Промолчал я, досадно мне стало, а потом того махнул рукой, обнял, и поцеловал свою супругу, и сказал: «Лишь бы впредь не было, а снявши голову, по волосам не плачут. Будем жить в страхе Божиим и взаимной любви!» И что ж бы вы думали: был я, действительно, что счастлив с нею целый год. Хозяйство наше пошло в гору, доходы удвоились. Уже мы каждый день за обедом мясо едим; бутылка пива беспрерывно. К нам гости, и мы в гости. Околоточный к нам заходит и всё не иначе, как «Лександр Пет-

рович» да «Лександр Петрович»! Домишко я насмотрел и уже подумываю, как бы купить, чтоб своё, значит, всё было – и дворик, и огородинка, и птица, и сарай, и цветочки. – Жена цветочки любила. – Зачастились мы и в цирк. Что вечер, то и в цирк, и в цирк. Вот раз сидим мы с женою и смотрим, как барышня в коротенькой этакой юбочке сквозь обручи прыгает с лошади на лошадь, аж глядь – приходит и садится возле нас на пустое место господин, нельзя сказать, чтобы старей, а скорее молодой. Да противный! Лысый, без бровей, нос точно ножом перебит, губы мокрые, и всё плюёт. Сел и в лорнетку на жену посмотрел, а потом за руку её взял и говорит: «Здравствуйте!» Сейчас с Параскевией ровно как столбняк случился. Затряслась она, побледнела, смотрит, а только не видит. Между тем безносый так и трещит, и трещит. «Я, – говорит, – очень рад, что с вами сустрелся после стольких лет. Вы, – говорит, – очень как похорошели, но и тогда вы мне нравились, – говорит, – и я, – говорит, – часто вспоминаю то благополучное время, как у вас пожильцем жил, а вы мне, – говорит, – самоварчик по утрам приносили». Молчит Параскевия, как воды в рот набрала. Вышли мы из цирка, сели в санки. Ветер сильно дует, и фонарь мигает, и мне то видать Параскевию, то не видать. Но только замечаю, что она опять испугалась и направо поглядывает. Глянул я и вижу, что тот безносый шляпу снял и низко ей кланяется, а на шее у него, как теперь помню, красный шарф замотан. Тронул я лошадь, приехали мы домой. Нахмурил-

ся я. Параскевия ни слова. Этак день прошёл, этак и другой, а может и ещё другой. Не ест Параскевия, не спит, перестала усмехаться, от хозяйства отбилась и корове помой забыла вынести. Спрашиваю я: «Скажи мне, Параскевия, что это с тобою? Отчего ты так вдруг переменялась? Кого ты сустретила в цирке? Скажи мне, супруга любезная? Иль ты забыла мой завет тебе супружеский? Помнишь, что говорил я тебе после венца?» Но она мне не ответила, а только заплакала, и этак сумно, и очень даже сумно провели мы вечер, а как легли, то я от цветущих её прелестей взор отвратил и нарочито на край постели откатился. Встаю я обнаковенно рано, а на тот случай почему-то заспал. Так что уж светало, когда я продрал глаза. Повернулся – Параскевия стоит на кровати, у самой стенки, и такая она высокая мне показалась! «Параскевия, – говорю, – чего ты стоишь?» Молчит. Я тронул её за босую ногу, а она безо всякого шума покачнулась направо, потом того налево, как маятник на часах. Я к ней: «Боже мой, что ты наделала, супруга моя любезная!» Рот у неё распух, язык выперло, глаза застыли, холодная, зачоченелая... Ах, ты жизнь моя горькая! – Пришла полиция, составили протокол, затем анатомили и ничего не нашли, натурально. Похоронили Параскевию, без попа и без хоругв, и запил я. То есть окончательно всё пропил, что было, до последней нитки, лошадей, фаэтон, санки, дрожки, с квартиры сошёл и босяком сделался. Горько мне было, ах, до чего горько, что попущено было врагу рода человеческого жену мою смутить и душу

её погубить, но всё же не возроптал я на судьбу и вторично произошёл к жизни. А что ей сам враг тогда в цирке явился, в том я теперь не сомневаюсь. На его голове этикие две красные шишки на манер рожков торчали. Конечно, и то сказать, что, может, это ей наказание было за тот грех. Лучше бы я сам поучил её, то *ему*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.